

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕДИАТИВНОГО ПРОЦЕССА

О. В. Бреский

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
кандидат юридических наук, доцент
oleg.bresky@hotmail.com*

Статья посвящена исследованию конституционных оснований медиации как формы разрешения споров. Существует проблема в определении ее статуса в правопорядке: является ли медиация лишь вспомогательным механизмом или полноценной реализацией права на справедливое разбирательство. Рассматривается соотношение медиации с правом на доступ к правосудию, принципом пропорциональности вмешательства государства, верховенством права и автономией личности. Приводится анализ судебной практики международных и национальных судов.

Ключевые слова: медиация; эффективность правовой защиты; верховенство права; автономия; свобода договора.

Конфликт и спор – это неотъемлемый элемент любого социума. Конституционный механизм предполагает настройку многочисленных механизмов, которые обеспечивают возможность мирного урегулирования конфликта и составления балансов, позволяющих субъектам сосуществовать в виду многообразия их интересов. Признание многообразия и права на автономию – фундаментальное конституционное допущение, легитимизирующее особенности и возможность обладать субъектностью. Медиация опирается на добровольное участие и самоопределение сторон, что соответствует этим конституционным ценностям. Дж. Де Пало отмечает, что «медиация – это не альтернатива правосудию, а другой путь к нему. Ее следует продвигать не только из-за эффективности, но и потому, что она отражает конституционное право на справедливый, соразмерный и доступный процесс разрешения споров» [5, с. 8].

Статус субъекта социальных отношений предполагает способность человека к заключению сделок и широко понимаемую ответственность. Большинство споров и конфликтов разрешаются людьми без обращения к правовым механизмам, но формы и методы такого рода вне правовых процессов имеют важное значение для публичного порядка, и, конечно, должны быть гармонизированы с его основными принципами.

Конституция обращена и к публичной сфере, и к сфере частного, автономного. В сфере публичного конституция обеспечивает должный процесс и защищает правовой статус, в области частного – она защищает автономию и свободу субъектов. Конституционные основания медиации относятся к основополагающим правовым и конституционным принципам, которые поддерживают и легитимируют использование медиации как формы разрешения споров в правовой системе. Хотя конституции редко упоминают медиацию прямо, несколько ключевых конституционных ценностей и прав обеспечивают ее прочную нормативную основу.

Большинство конституций гарантируют право на справедливое судебное разбирательство, доступ к правосудию или эффективные средства правовой защиты. Модель для такого рода института заложена международным правом. Многие современные конституции включают или интерпретируют международные документы по правам человека. Эти документы поддерживают альтернативное разрешение споров, включая медиацию, как часть более широкого права на эффективные средства правовой защиты и справедливые процедуры. Медиацию можно рассматривать как механизм обеспечения правосудия, обеспечивающий более широкий доступ к правосудию за счет процесса, основанного на автономии сторон. К примеру, раздел 34 Конституции ЮАР гарантирует право на разрешение споров в справедливом публичном слушании или «на другом независимом и беспристрастном форуме», что включает и медиацию [7].

Принцип верховенства права охватывает не только формальные юридические процедуры, но и механизмы, способствующие мирному разрешению конфликтов, в том числе, медиацию. Конституционный порядок подразумевает, что вмешательство государства должно быть пропорциональным и субсидиарно применяться, только в случае, когда потенциал других средств исчерпан или они явно неэффективны. Поощрение медиации уважает способность разрешать споры без государственного принуждения, в соответствии с минимальным вмешательством государства.

В время состоялись множество судебных разбирательств, связанных с установлением границы между формальной системой правосудия и альтернативными способами разрешения споров. Так, в 2010 г. в деле *Alassini v Telecom Italia* [4] Суд справедливости ЕС постановил, что национальное право, регулирующее медиацию и признающее, что медиация является обязательной в некоторых областях споров, не нарушает принцип эффективной правовой защиты, закрепленный в ст. 47 Хартии фундаментальных прав.

Конституционный суд Италии в решении № 272/2012 рассматривал конституционность законодательного акта Италии об обязательной медиации в гражданских и коммерческих спорах. Суд установил, что обязательная медиация, если она структурирована с достаточными гарантиями (например, ограничениями по продолжительности, возможностью отказа), не нарушает конституционные гарантии прав на защиту (ст. 24 Конституции Италии) или доступа к судам (ст. 111) [6].

Федеральный конституционный суд Германии в решении 1 BvR 142/02 (2002), рассматривая конституционность решения суда о направлении сторон на медиацию и того, нарушало ли это право на правовую защиту, постановил, что направление сторон на медиацию не нарушает конституционных прав, пока оно остается необязательным и не лишает возможности доступа к судебной защите [1]. Подобную практику установил и Конституционный совет Франции, и Верховный суд США [3]. Европейский суд по правам человека в деле *Deweert v. Belgium*, № 6903/75 (1980) постановил, что внесудебные соглашения могут быть действительными в случае свободного согласия сторон, а право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ) не утрачивается полностью [2].

В конституционных демократиях свобода выражения мнения и участие в принятии решений – это защищенные права. Медиация способствует диалоговым процессам и инклюзивному, уважительному участию, соответствующему демократическим конституционным ценностям.

Библиографический список

1. BVerfG, Beschluss der 1. Kammer des Ersten Senats vom 26. August 2002 – 1 BvR 142/02 – Rn. 1-36. – URL: https://www.bverfg.de/e/rk20020826_1bvr014202 (дата обращения: 13.07.2025).
2. Deweer v. Belgium, приложение № 6903/75, ЕСПЧ (1980). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57469> (дата обращения: 13.07.2025).
3. *Howsam v. Dean Witter Reynolds, Inc.*, 537 U.S. 79 (2002). US Supreme Court. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/537/79/> (дата обращения: 13.07.2025).
4. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 18 March 2010. *Rosalba Alassini v Telecom Italia SpA* (C-317/08), *Filomena Califano v Wind SpA* (C-318/08), *Lucia Anna Giorgia Iacono v Telecom Italia SpA* (C-319/08) and *Multiservice Srl v Telecom Italia SpA* (C-320/08). European Court Reports 2010 I-02213.
5. Palo, Giuseppe De. A Ten-Year-Long “EU Mediation Paradox”. *When an EU Directive Needs To Be More ...Directive.* / Briefing requested by the JURI committee. 2018. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/608847/IPOL_BRI%282018%29608847_EN.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
6. Sentenza № 272/2012. La Corte Costituzionale. Repubblica Italiana. – URL: <https://giurcost.org/decisioni/2012/0272s-12.html> (дата обращения: 13.07.2025).
7. The Constitution of the Republic of South Africa. – URL: <https://www.justice.gov.za/constitution/SACConstitution-web-eng.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).